

Соблазн полного отождествления с миром – с государством, с нацией, с партиями, с идеологиями, с политикой, с общественной деятельностью, с общественным успехом – есть всегдашний соблазн для церковных людей...

Чаще государство и различные идеологии навязываются

Церкви сами и пользуются Церковью для своих целей.

Если Церковью пользуются другие, то она не может более выполнять своего служения Богу и миру.

*Протопр. Иоанн Мейендорф. «Святейший Патриарх Тихон –
служитель единства Церкви». 1990 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

П.Б. Михайлов. Историческая теология отца Иоанна Мейендорфа	XI
От редакции	XXVII

СВЯТОЙ ПЕТР: ПРОБЛЕМА ПЕРВЕНСТВА

Исторический релятивизм и авторитет христианского догмата	3
Первенство римской кафедры в каноническом предании Церкви до Халкидонского собора включительно	20
Рим и Константинополь	42
Апостол Петр в византийском богословии	66
Собор 381 г. и первенство Константинополя	91
1367 год: план созыва Вселенского Собора. Ранее не издававшийся диалог Иоанна Кантакузина с легатом Павлом	110
Приложение. Беседа с легатом Павлом	140
Произошла ли во Флоренции встреча между Востоком и Западом?	151
Рим и православие: по-прежнему ли существует проблема «авторитета»?	177
Церковный регионализм: структуры общения или прикрытие сепаратизма?	191
Два взгляда на Церковь: Запад и Восток накануне Нового времени	206
Современное понимание Церкви в православии	221

ПРЕДАНИЕ И ЦЕРКОВНОЕ УСТРОЙСТВО

Церковная организация в истории православия	237
Дух, церковное устройство и организация с православной точки зрения	258

Таинства и иерархия в Церкви: православный вклад в экуменический диалог о римском первенстве	269
Епископ в Церкви	280
Один епископ в одном граде	291
Иерархия и народ в Православной Церкви	300
Что такое Вселенский Собор?	307
Вальсамон, империя и варвары	325
Значение Реформации как события в истории христианства	336
Церковь, общество, культура в православном церковном Предании	354
«ВИЗАНТИЯ ПОСЛЕ ВИЗАНТИИ»	
Идеологический кризис в Византии (1071–1261)	370
Литургия, или Введение в духовность Византии	388
Иконография Божественной Премудрости в византийской традиции	401
Премудрость–София: противоположные подходы к сложной теме	430
Византийские представления об исламе	444
Универсалистские идеологии и исторические реалии в Православной Церкви	469
Святитель Савва, Охрид и Сербская Церковь	491
ТАИНСТВО БРАКА	
Брак и Евхаристия	504
Христианский брак в Византии: каноническая и богослужебная традиция	543
ВИЗАНТИЯ, РУСЬ, РОССИЯ	
От Византии к России: религиозное и культурное наследие	561
Византия, Православная Церковь и возвышение Москвы	579
Существовал ли когда-нибудь «Третий Рим»?	592
Вселенское свидетельство и поместное самосознание в русском православии	609

Алексий и Роман: очерк по истории русско-византийских отношений (1352–1354)	630
Три литовских мученика: Византия и Литва в XIV столетии	643
Византийское влияние на русскую цивилизацию	661

ПУТИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Об изменяемости и неизменности православного богослужения	678
Спор о социальной роли Церкви: полемика по поводу церковной собственности на Руси в XVI веке	687
Русский епископат и церковная реформа (1905 г.)	718
Святейший Патриарх Тихон — служитель единства Церкви	730
Образ Церкви: русская богословская мысль в Новое время	742
О путях Русской Церкви	751
Заметка о Церкви	766

КАФОЛИЧНОСТЬ ЦЕРКВИ

Кафоличность Церкви	771
Вселенский патриархат вчера и сегодня	787
Современные проблемы православного канонического права	805
От Византии к Новому Свету	819
Последние шаги к единству	839
Мелкитский патриархат: парадоксы призвания	849
Православная Церковь и миссия: прошлое и современные перспективы	862
Православная Церковь в современном мире	877
Единство Церкви — единство человечества	903
Что сохраняет Церковь в единстве?	921
Библиография работ протопресвитера Иоана Мейендорфа	927
Библиографические сокращения	974

Указатель цитат из Священного Писания и ссылок на него	981
Указатель географических названий	985
Указатель личных имен	993

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ ОТЦА ИОАННА МЕЙЕНДОРФА

Протопресвитер Иоанн Мейендорф (1926–1992) — последний выдающийся представитель русского православного богословия в XX веке. Он завершает эпоху русского зарубежного богословия. Его имя находится в одном ряду с такими богословами, как протоиерей Сергей Булгаков, протоиерей Георгий Флоровский, А.В. Карташев, В.Н. Лосский, архимандрит Киприан (Керн), протопресвитер Николай Афанасьев, архиепископы Кассиан (Безобразов) и Василий (Кривошеин), протопресвитер Александр Шмеман. Единственным из них он дожил до начала церковного возрождения в России, в которое все они так верили и на которое каждый по-своему работал. Он стал его свидетелем и надеялся быть участником, однако скоропостижная кончина воспрепятствовала этому. Отец Иоанн принадлежит к поколению тех людей русской эмиграции, которые родились уже в изгнании. Его жизнь связана с Францией до самой середины века и с послевоенной Америкой, куда он переехал в 1950 году. Образование он завершил в Старом Свете, а полноценное применение его знания получили уже в Новом. Богословскую выучку о. Иоанн прошел в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже; здесь же прошли первые годы его преподавания. Научные дипломы и степени он получал в светских институтах Франции — в Сорбонне и в Практической школе высших исследований. В 1958 году он защитил в Сорбонне докторскую диссертацию, посвященную жизни и богословию свт. Григория Паламы.

За несколько лет до того И.Ф. Мейендорф женился, а годом ранее принял священство и вскоре переехал в Америку, став профессором церковной истории и патристики в Свято-Владимирской православной богословской семинарии в Нью-Йорке. С этим учебным заведением была связана вся его последующая жизнь; после смерти о. Александра Шмемана о. Иоанн стал его преемником на посту декана семинарии (1984–1992), оставив эту должность незадолго до собственной кончины. Годы, проведенные о. Иоанном Мейендорфом в Америке, стали временем интенсивных научных изысканий, творческого труда, препода-

вания, пастырских забот и активной международной церковной и академической деятельности.

Своей научной судьбой и многогранным церковным служением о. Иоанн Мейендорф явил образ православного историка и богослова, обладающего высоким авторитетом в самых разных слоях современной российской церковной аудитории, отмеченной большим разнообразием мнений, пристрастий и предпочтений. Если отвлечься от острых вопросов о Церкви в современном мире, освободиться от проблем взаимоотношений православия с другими христианскими конфессиями, то в академическом плане научную деятельность о. Иоанна следует отнести к исторической теологии. Вот в этом аспекте мы и попытаемся рассмотреть его творчество, а также проследить оказанное им влияние на современные церковные процессы.

Под исторической теологией понимается такой тип богословского исследования, в котором совмещаются два направления работы — историческое и богословское, причем их долевое соотношение у разных богословов варьируется; у одних историческое преобладает над богословским, у других, напротив, богословское имеет явное преимущество перед историческим. В лице о. Иоанна мы имеем счастливый случай естественного и сбалансированного сочетания прекрасного и академически безупречного историка с пронизательным и церковным богословом. Определительным признаком исторической теологии является присущий ей исторический характер, признание за историей важнейшего фактора религиозной жизни, собирающего в себе совокупность опыта священного. Применительно к христианскому богословию это означает принятие за отправную точку познания исторического факта пришествия Бога в мир, события Боговоплощения («богословие фактов», как любил его определять о. Иоанн вслед за о. Георгием Флоровским). История же охватывает и последующие судьбы христианской общины, включает в себя историю Церкви, историю богословия, опыт богообщения, присутствие Бога в мире и мира в Боге. Все богатство накопленного христианского опыта составляет церковное наследие, к которому постоянно обращается историческая теология для его изучения, восприятия, приобщения и тем самым продолжения в дальнейшей истории. Подавляющее большинство книг и статейных публикаций о. Иоанна Мейендорфа выполнены в ключе историко-теологического исследования. Два тысячелетия существования христианства представляют для него вселенную богословских смыслов и духовных прозрений. Пристальное изучение и актуализация этой истории для современности составляют основное содержание научных изысканий о. Иоанна.

Историческая теология характерна для традиционных христианских конфессий, прежде всего для православия и католиче-

ства. В меньшей степени она присуща протестантизму, что легко объяснимо, если принять во внимание, что для исторической теологии точкой отсчета служит Предание в его исторической протяженности и материальной конкретности. Как бы по-разному ни понимали Предание православные и католики, они согласны в одном: церковная история содержит нестираемые преломления Истины, как она явилась древним поколениям верных. Их опыт драгоценен для обеих традиций. Те и другие мыслят себя в единстве и преемстве со своими предками и предшественниками, обогащаясь полученным от них наследием. Потому так богата историко-теологическая традиция в обеих научных школах. Иначе воспринимается фактор истории протестантскими мыслителями и верующими. История, безусловно, имеет и для них свою ценность, однако точкой отсчета во всяком богословском суждении служит фактор личного опыта, непосредственного восприятия священного, которым одарен всякий человек. Поэтому здесь преимущество остается за другим типом богословского исследования, тем, что принято называть философской теологией; она явно преобладает в англо-американской и немецкой богословской науке, в значительной мере связанной с протестантизмом. Историческая теология в этой традиции сводится к специальной дисциплине «истории догматов» (Dogmengeschichte), носящей в основном отрицательный по отношению к истории характер.

Для исторической теологии характерен определенный набор принципов и основные области применения. Двойные обязательства — исторические и теологические — предписывают соблюдение требований, с одной стороны, добротного исторического исследования, с другой — применимости полученных в ходе исторического исследования результатов для установления вневременной богословской истины. Вместе с тем историческая теология несет на себе признаки собственной историчности, иными словами, она является частью той самой единой истории, которую сама же и изучает. В богословских категориях это означает ее непреходящую принадлежность церковной традиции; в этом отношении она оказывается составной частью того великого Предания, в изучение которого погружена. Закономерным следствием этого факта является принципиально церковный и конфессиональный характер исторической теологии. У нее же есть и преимущественные области познания. Это прежде всего и больше всего Священное Предание — его природа и судьбы — вопросы его развития и неизменности, наконец, это всегда болезненные вопросы вероучительной истины и инакомыслия.

Отец Иоанн Мейендорф по всем признакам принадлежит к богословской традиции исторической теологии, имеющей глубокие корни в русском православии. Среди его прямых предшественников — знаменитые богословы старшего

поколения протоиерей Георгий Флоровский, В.Н. Лосский и другие. С о. Георгием Мейендорфа связывали особенные отношения; влияние идей, важнейших публикаций и личного общения с ним имело для формирования о. Иоанна ключевое значение. Поэтому в одном из своих последних выступлений он признается: «Я являюсь абсолютно и почти безоговорочно учеником отца Георгия Флоровского...»¹ Он действительно оказался наследником и продолжателем того дела, вдохновителем которого был о. Георгий Флоровский, всю свою жизнь стремившийся разгадать божественную загадку истории. Многолетние размышления привели о. Георгия к ясному пониманию богословия истории как наиболее полного постижения историчности мироздания, как главной характеристики существования человека². Его главный тезис таков: высший смысл истории — это смысл богословский, поскольку начало и конец истории, ее Альфа и Омега — это Божественный Логос, и этому пониманию соответствует развернутая им программа богословских исследований, получившая несколько неточное название «неопатристический синтез». Суть ее сводится к набору требований, стоящих перед богословской наукой: 1) историчность, 2) метафизичность, 3) экзистенциальность. Эта программа явно вписывается в рамки исторической теологии. В соответствии с этой программой работали и продолжают работать многие православные исследователи и богословы. Отец Иоанн Мейендорф — один из ее выдающихся сторонников и исполнителей.

Совершенно в духе о. Георгия он говорит о богословском призвании христианского историка и историчности богословского сознания. Сверстники и свидетели жизни о. Иоанна протоиерей Николай Лосский и протопресвитер Борис Бобринский вспоминают, как он «часто говорил, что богослов не может не быть историком, так как всякое догматическое определение, уточнение или церковное высказывание всегда рождается в определенном историческом контексте и отвечает на вызовы, искажающие чистоту православного созерцания и исповедания веры. Вместе с этим о. Иоанн считал, что историк церкви обязан быть богословом: если он не богослов, то он рискует не понять категорий, с которыми ему приходится иметь дело, и тогда его истори-

¹ *Мейендорф И., протопрев.* Православное свидетельство в современном мире // Он же. Православие и современный мир. Минск, 1995. С. 53. См. также его предисловия к: *Lossky V. Visio de Dieu.* Neuchâtel, 1962. P. 7–9; *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1988. С. V–X.

² См. об этом более подробно мою статью: Богословие истории протоиерея Георгия Флоровского // Георгий Васильевич Флоровский. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 156–179.

ческая наука будет чисто феноменологической и исключительно человеческой»³. Этой двугранностью — историка и богослова — отмечена научная и духовная позиция о. Иоанна в ее единстве и непротиворечивости; обе стороны друг друга взаимно обогащают и обосновывают.

Отец Иоанн, с одной стороны, прекрасный историк, зарекомендовавший себя как пронизательный наблюдатель близких и удаленных во времени процессов церковной жизни. Его историческая компетентность охватывала почти все времена и регионы истории христианства. Он обладал глубоким знанием древних источников, дошедших до нас на языках христианской древности, а также великолепно ориентировался в богатой научной традиции их изучения, которая сама по себе насчитывает уже почти полтысячи лет интенсивного развития. С другой стороны, он пронизательный и яркий богослов, никогда не снимавший с себя этой высокой ответственности. И его понимание требований, стоящих перед православным богословием, осознание призвания христианской мысли были для него вполне ясными и неоднократно отчетливо им формулировались. Такое сочетание делает его вклад драгоценным достоянием православной науки.

Отцу Иоанну глубоко чужда охранительная позиция «повторительного» богословия, как он любил называть тот способ уклонения от богословской ответственности, приверженцы которого при решении всякой духовной или научной проблемы удовлетворяются ссылкой на древний авторитет или ограничиваются формальным воспроизведением древней богословской мудрости. Такому богословствованию присуща ложная консервативность; оно оказывается «закрытым» богословием. В действительности для подобного подхода историческая ценность древнего христианского наследия безразлична; при нем исторические факты воспринимаются как самодостаточные истины, лишённые внутреннего объема и собственной судьбы. Отец Иоанн придерживался принципиально иной позиции. Для него характерно богословие «открытое», отзывчивое на современные запросы, щедрое в своих ответах благодаря надежной опоре на неисчерпаемые богатства церковной традиции. Он высоко ценил свойство открытости в христианстве и повсюду в церковной истории обнаруживал ее признаки. Узкая историческая специализация в христианской науке, снимающая с себя призвание к истолкованию своего предмета, погружению в его подлинную

³ Лосский Н., прот.; Бобринский Б., протопресв. Протопресвитер Иоанн Мейендорф (1926–1992) // Преподобный Сергей в Париже: История парижского Свято-Сергиевского православного богословского института. М.: Росток, 2010. С. 425.

реальность, а с другой стороны, освобождающая себя от отклика на беды современности, на скорби окружающего мира, как кажется, глубоко чужда о. Иоанну и как ученому, и как христианину.

В его творчестве богословские прозрения находили свое подтверждение на историческом материале, а историческая интуиция руководствовалась богословскими ориентирами. Такова характерная для его научной методологии «двуприродность». В сложнейшем вопросе о содержании паламитских споров и их историческом значении, к чему мы теперь переходим, о. Иоанну удалось сформулировать хотя и вероятные, но очень правдоподобные гипотезы и объяснения. Понятно, что исторические догадки и подтвержденные предположения всегда оставляют место для уточнения и даже возможного последующего опровержения. Но существенно другое: богословское объяснение происходивших в прошлом драматических событий объясняет многое и в современности; оно способствует лучшему пониманию общего хода мировой истории. И этому отвечают главные труды о. Иоанна.

В качестве своей докторской диссертации в Сорбонне в 1958 году о. Иоанн представил развернутое исследование жизни, трудов и богословия великого православного святого XIV века — святителя Григория Паламы. Отметим мимоходом, что именно эта область исследований о. Иоанна составила его заслуженную славу как историка и богослова. Ему, в частности, принадлежит честь первого полного критического издания оригинального текста важнейшего произведения Паламы — «Триад в защиту священнобезмолвствующих», а также их перевод на французский язык и комментарии⁴. С жизнью святителя Григория связан ключевой эпизод в истории православного богословия, в котором плотно переплелись философские, аскетические, общественные и исторические линии. Речь идет об эпизоде в церковной истории Византии, получившем название по имени этого святого — паламитские споры. Дискуссия развернулась вокруг вопроса о своеобразной методике православной молитвы, применявшейся как афонскими монахами, так и мирянами византийской столицы; по одному из элементов, точнее по высшему этапу этой молитвы — безмолвию (греч. ἡσυχία) — сама практика получила название исихастской, а вызванное ею более широкое явление — исихазм. Для исихастской молитвы было характерно сочетание психосоматических приемов с достоверным опытом духовного созерцания и приобщения к нетварному Божественному Свету. Своими корнями эта практика уходила

⁴ *Grégoire Palamas. Défense des saints hésychastes / introd., texte crit., trad. et notes par J. Meyendorff. Louvain, 1959; sec. ed. 1973².*

в глубокую древность христианской духовности, однако у некоторых образованных людей и отдельных церковных иерархов той эпохи она вызывала подозрения. Григорий публично выступил на защиту этого учения, подведя под него богословское основание. Таким образом возник основной корпус его сложнейших богословских произведений. Паламитские споры завершились официальным церковным признанием правоты Паламы и его сторонников. Успех был закреплен на ряде авторитетных церковных соборов; памяти победителя был отведен особый день церковного почитания — второе воскресенье Великого поста. Эффект от победы сказался в разных областях церковной и общественной жизни Византийской империи. Отец Иоанн в ряде своих исследований показал, как торжество паламитов помимо прочего сказалося в политическом укреплении окраин православного мира, в частности, с этим он связывал такие, как кажется, удаленные события, как победа в Куликовской битве и последующее объединение Руси, централизация церковной власти и расцвет церковных искусств в творчестве Феофана Грека и преподобного Андрея Рублева. Однако достигнутая высота богословского учения на длительное время оказалась достоянием лишь немногих образованных богословов. В жизни православия оно продолжительное время оставалось почти незамеченным, хотя сама молитвенная практика сохранялась в различных православных общинах на протяжении столетий до новых расцветов православной духовности.

Несомненная научная и духовная заслуга о. Иоанна заключается в новом открытии паламитского богословия, в его развернутом изложении и широкой исторической интерпретации. В нем о. Иоанн видит «конструктивный ответ на вызов, брошенный христианству Новым временем, — лично-бытийное богословие и освобожденную от платоновского спиритуализма аскетику, целиком включающую человека в новую жизнь»⁵. Исторический подвиг паламизма имеет важное значение и для современного свидетельства православия; на основании этого синтеза богословия и духовной практики может быть построена современная стратегия православного богословия, которую принято называть неопаламизмом⁶.

Узловое значение паламитского богословия привлекло о. Иоанна как исследователя в самом начале его научного

⁵ Мейендорф И., *протопресв.* Жизнь и труды святителя Григория Паламы: Введение в изучение. СПб.: Византинороссика, 1997. С. 326.

⁶ См.: Louth A. *Modern Orthodox Thinkers: From the Philokalia to the present.* L.: 2015 (Ch. 12: Neo-Palamism: Fr. John Meyendorff and some Greek neo-Palamites. P. 178–193).

и церковного пути; он ясно осознавал, насколько важно для православия лежащее в его основе соединение глубины мистического духовного опыта с высотой богословского умозрения. Его диссертация, вскоре после успешной защиты опубликованная в авторитетной научной серии, произвела на международную науку, изучающую исторические традиции христианского богословия, огромное воздействие, вызвав на свет волну самых разнообразных исследований, посвященных паламитским спорам. С этого времени православные «неопаламитские» исследования рассматриваются в более широком контексте так называемого патристического возрождения, характерного для православных и католических богословских изысканий второй половины XX века. Очевидно, что и то и другое суть конкретные проекты исторической теологии. Исследовательский интерес к паламитским спорам не ослабевает и до сих пор. Становление богословских наук на постсоветском пространстве и тем самым возрождение церковной культуры напрямую связаны с поисками идеалов как в духовной традиции православия, для чего богословие Григория Паламы подходит как нельзя лучше, так и в академической культуре, для которой труды о. Иоанна Мейендорфа оказываются хрестоматийными образцами, а результаты исследований — реферативными опорами.

Некоторые рецензенты критиковали о. Иоанна за широкое привлечение современной философской терминологии при изложении мысли св. Григория Паламы и хода паламитских споров. Его упрекали в модернизации мысли святых отцов. Издатели русского перевода книги еще более резки в своем мнении, обнаруживая в работе о. Иоанна попытку «скорее вписать *паламизм* в мышление современного человека, нежели приспособить свое мышление к системе понятий святого отца»⁷. Интерпретаторские усилия о. Иоанна в самом деле приводят его к необходимости использования достаточно широко распространенной общефилософской терминологии. Однако при этом нельзя сказать, что он выбивается из академической традиции изложения истории идей. Привлекаемая о. Иоанном терминология носит пояснительный характер и нисколько не претендует на то, чтобы заменить собой аутентичный богословский лексикон паламитских споров. Так, о. Иоанн разводит позиции спорящих сторон, называя богословие Паламы «христианским экзистенциализмом» и «библейским реализмом», а богословие его противников — «номиналистическим эссенциализмом»⁸. В этом от-

⁷ См.: Лурье В.М. Послесловие // Мейендорф И., протопресв. Жизнь и труды... С. 351.

⁸ Там же. С. 284.

ношении примечательны рассуждения комментатора русского издания книги о. Иоанна В.М. Лурье, который рассматривает своеобразный, порой достаточно современный стиль изложения о. Иоанна в сотериологических категориях — через понятия греховности языка. Тем самым стилистические особенности изложения наделяются не свойственными им по замыслу самого автора качествами, что производит комический эффект. Однако в глубине этой дискуссии таится чрезвычайно важный вопрос о Священном Предании, о следовании ему или отступлении от него, о самой его природе. И в этом отношении о. Иоанн олицетворяет собой полную противоположность такой интересной, в научном отношении весьма содержательной, но вместе с тем очевидно лишенной настоящей духовной перспективы программе исторических исследований, которую можно было бы назвать поисками православного Предания.

Речь не идет о какой-то сформированной группе исследователей или даже о внятно сформулированной научно-исследовательской программе, но о некоей установке, в особенности характерной для современной отечественной гуманитарной науки, которой придерживается ряд наших замечательных специалистов. Эту позицию ярко обозначил один из ее представителей, выступивший научным редактором и комментатором труда о. Иоанна о св. Григории Паламе, уже упоминавшийся В.М. Лурье. Его развернутые комментарии к русскому изданию книги о. Иоанна изобилуют полезными сведениями по современной историографии паламитских споров и других важнейших сюжетов в истории христианского богословия. Однако пристрастность и чрезмерная склонность к безапелляционным оценкам этого исследователя заметно снижают общую ценность его вклада как комментатора. Свою главную мысль В.М. Лурье сформулировал в Послесловии к труду о. Иоанна Мейендорфа. Несмотря на все то личное и научное уважение, которое он питает к автору, он утверждает, что богословский и церковный мир, представителем которого является о. Иоанн, пренебрежительно именуемый В.М. Лурье «мирком», «мало соприкасался с реальной толщей православной церковной жизни»⁹. Критик очерчивает этот мир каноническими рамками церковной юрисдикции Константинопольского патриархата, которому подчиняется до сих пор Парижская архиепископия. При этом он не затрагивает вопроса об активной позиции о. Иоанна в зрелые годы в Американской Православной Церкви и уж вовсе оставляет без внимания сакраментальные вопросы православной экклезиологии,

⁹ Лурье В.М. Послесловие // Мейендорф И., протопресвитер. Жизнь и труды... С. 371.